

Н.А. Самойлов. РОССИЯ И КИТАЙ В XVII – начале XX века: ТЕНДЕНЦИИ, ФОРМЫ И СТАДИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2014, 368 с.

Новая книга историка-китаевода, профессора Санкт-Петербургского университета Н.А. Самойлова посвящена социокультурному взаимодействию России и Китая. Автор, по сути, предложил новый взгляд на историю взаимоотношений двух стран – через социокультурную составляющую этих отношений. Это интересно хотя бы потому, что о взаимоотношениях России и Китая уже написано немало. К тому же в большинстве прежних научных исследований история российско-китайских отношений в основном рассматривается как история политико-дипломатических контактов с акцентом на договорно-правовые аспекты и историю формирования границы между двумя странами. Однако Н.А. Самойлов рассматривает тему иначе. На конкретных примерах он показал, что во взаимоотношениях двух государств и народов всегда присутствовала социокультурная составляющая, оказывавшая значительное влияние на процессы взаимодействия и взаимной идентификации, и именно это, в свою очередь, воздействовало на характер межгосударственных отношений. И оказалось, что, рассматривая историю двух стран-соседей в этой плоскости, можно выйти и на другие актуальные и важные в научно-теоретическом плане обобщения.

Н.А. Самойлов подметил, что уже накопленный в исследованиях по истории российско-китайских отношений фактический материал не выходит за рамки интересов узких специалистов и эмпирического анализа. А это, в свою очередь, далеко не всегда способствует выявлению более общих закономерностей развития исторического процесса в странах Восточной Азии. Тогда как объективная потребность перехода от конкретно-исторических исследований к обобщению и теоретическому осмыслению характера и особенностей исторического взаимодействия между Россией и Китаем как целостного комплекса социокультурных связей и межкультурных отношений имеется. Н.А. Самойлову удалось сделать такой переход, и это, несомненно, обогатило данное исследование. Автор исходит из того,

что потребность в такого рода осмыслении объясняется необходимостью сформулировать новые теоретические подходы к изучению взаимодействия социумов, обладающих ярко выраженными культурно-историческими особенностями, и в своей монографии на материале истории российско-китайских отношений это наглядно показывает.

Приступая к исследованию с объяснения своего общего концептуального подхода к проблеме, Н.А. Самойлов уделяет особое внимание историографии вопроса. Он приходит к убеждению, что методологической основой изучения истории китайской внешней политики с новых концептуально-теоретических позиций являются концепции и идеи, сформулированные в работах С.Л. Тихвинского. Автор перечисляет разноплановые произведения отечественных и зарубежных авторов разных лет, что, как представляется, помогает ему сформулировать целостную картину истории того процесса, который анализируется в работе.

“Геокультурное пространство” – ключевое понятие для осмысления выбранной автором темы. Н.А.Самойлов полагает, что следует придерживаться следующей трактовки этого термина: “Геокультурное пространство – система устойчивых культурных реалий и представлений, формирующихся на определенной территории в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира”.

Как представляется, такая формулировка вполне вписывается в предлагаемую в данной монографии модель описания геокультурного пространства и в предлагаемую автором модель такого пространства через призму востоковедного знания и естественных наук (с. 64). Это определение, используемое Н.А. Самойловым в монографии, приведено в статье Д.Н. Замятина “Геокультура: образ и его интерпретации”. Применяя уже апробированную формулировку, Н.А. Самойлов тем самым подтвердил востре-

бованность данного направления исследования в отечественном источниковедении.

Охарактеризовав ключевые параметры своего исследования, Н.А. Самойлов утверждает, что Россия и Китай по-разному представляли свое геокультурное пространство на конкретных этапах своего развития (с. 64).

Интерес, на наш взгляд, представляют приводимые в исследовании Н.А. Самойлова пояснения того, как складывалось и как выглядело геокультурное пространство России и Китая на стадии начала их взаимодействия (с. 63–76). В России имел место процесс социальной и культурной адаптации к реалиям европейской цивилизации. В Китае воздействие на внутрисполитическое развитие страны и на ее внешнеполитическую доктрину оказывало конфуцианское учение – основа многовековой культурной традиции Китая, ставшее структурообразующим фактором всего геокультурного пространства Китая (с. 73).

По сути, это был разный потенциал сотрудничества, и в работе Н.А. Самойлова об этом достаточно четко сказано. До XVI в., отмечает автор, представления о зарубежных странах были в России ограниченными, доминировали устойчивые стереотипы, а Запад рассматривался как средоточие скверны и отступничества от истинно христианской веры (с. 71). В XVIII в. европейские нововведения попадали в Московское государство из Польши. А выйдя на путь взаимодействия с западноевропейской культурной традицией и приступив к заимствованию ее достижений, Россия имела дело не с наиболее передовыми для того времени странами Запада, а с европейской периферией и пользовалась уже адаптированными на восточноевропейской почве достижениями (с. 73).

Развитие отношений России (Руси) с Китаем происходило в процессе торговли русских купцов со странами Востока и через сопредельные земли. Практически в одно и то же время происходило и завоевание монголами Китая и русских княжеств – и их освобождение от монгольского ига.

В дальнейшем развитии отношений двух государств способствовало и то, что иностранцы (миссионеры-иезуиты), пытаясь отыскать удобные пути в Китай, рассчитывали проникнуть туда через Московское государство. А в самой России стремление установить контакты с Китаем появилось лишь с началом освоения Сибири. В 1608 г. при царе Василии Шуйском завершилась неудачей попытка отправить послов в Монголию и “Китайское царство” (с. 79).

Важное значение для становления отношений России и Китая имело первое русское посольство, которое возглавил томский казак Иван Петлин. Посольство было направлено

из Тобольска в Пекин в 1618 г. В ходе миссии был открыт сухопутный маршрут из Европы в Китай через Сибирь и Монголию. Посольство И. Петлина – первый осознанный контакт представителя Российского государства с китайскими официальными лицами. Китайские чиновники вручили русскому послу грамоту от имени императора с разрешением установить торговые отношения и направлять в Китай посольства из России. И, что особенно важно, И. Петлин составил подробный отчет о своем путешествии, изложив уникальные сведения о Китае и сопредельных странах. Значение тех данных, которые содержались в “Росписи” И. Петлина, было настолько велико для накопления знаний о Китае, что ее текст был переведен на все основные европейские языки (с. 80).

Представляется продуктивным раздел “Торгово-экономические связи как фактор социокультурного взаимодействия России и Китая”. Российско-китайские торгово-экономические связи рассматриваются автором в качестве одного из факторов социокультурного взаимодействия: речь идет о том, как торговля между Россией и Китаем способствовала взаимопроникновению двух культур. Справедливо отмечается, что активно развивавшиеся в XVIII–XIX вв. торгово-экономические связи Цинского Китая и Российской империи стали одной из форм и важнейшим коммуникационным каналом их социокультурного взаимодействия. Благодаря постоянно набиравшей свои обороты российско-китайской торговле многие китайские товары стали очень популярны в России, а российские появились на территории Китая, стимулируя внутренние процессы социокультурного характера. Особое место в этой торговле принадлежало чаю и превращению этого продукта из важнейшей статьи русско-китайской торговли в неотъемлемый социокультурный аспект повседневной жизни России (с. 129–138). Став поистине русским национальным напитком, чай, пришедший из Китая, пережил своего рода культурную эволюцию, охватившую всю традицию чаепития (это, скажем так, известно многим). А вот то, о чем дальше пишет Н.А. Самойлов, вряд ли всем известно. Оказывается, в 1877 г. чай был введен в обязательный рацион русской армии, заменив с 1886 г. в мирное время солдатскую “винную порцию”. В конце XIX в. чай стал фигурировать даже в трудовых договорах как одна из форм оплаты труда (с. 132).

Анализу деятельности Пекинской Духовной Миссии посвящен раздел “Российская Духовная Миссия в Пекине и ее роль в процессе социокультурного взаимодействия России и Китая” (с. 140–166). Н.А. Самойлов подчеркивает, что миссия вошла в историю не только как

место православной проповеди, но и как важный фактор взаимодействия двух стран и двух культур. После подписания Кяхтинского договора в 1727 г. к миссии стали прикомандировываться ученики, изучавшие китайский, маньчжурский, а затем и другие восточные языки. Они же преподавали в Школе русского языка, созданной в Пекине по личному указанию цинского императора. Из числа этих учеников вышли первые русские китаеведы, знакомившие российскую общественность с жизнью цинского Китая. В XIX в. в миссии стали работать приезжавшие из России врачи и художники, деятельность которых, по сути, сформировала совершенно новый канал взаимодействия культур двух народов. Они способствовали распространению в цинском Китае первых реальных представлений о российской науке и искусстве и, как пишут современные китайские историки, дали толчок к развитию российско-китайских отношений в “духе народной дипломатии”.

Интересны и оригинальны суждения и выводы автора относительно “коммуникационных каналов” социокультурного взаимодействия России и Китая в рассматриваемый период. Они проходят “красной нитью” через всю книгу, но особенно актуально звучат в разделе “Визиты китайских дипломатов и первые китайские студенты в России во второй половине XIX в.: коммуникационный канал социокультурного взаимодействия” (с. 203–209). Н.А. Самойлов отмечает, что в ходе этих официальных визитов и частных поездок отчетливо проявились социокультурные особенности представителей разных народов как носителей принципиально различных культурных кодов. Эти миссии объективно выполняли роль своеобразных посредников между культурами и становились своего рода трансляторами коммуникационного кода социокультурного взаимодействия. Подобные процессы происходили как во взаимоотношениях Китая (а также Японии) с Россией, так и при их контактах с другими европейскими странами.

Безусловно, пишет Н.А. Самойлов, число учащихся из Китая, проходивших обучение в России, было существенно меньше, чем количество китайских студентов в Европе или США. Однако эти молодые люди смогли познакомиться не только с российской системой образования, но и с повседневной жизнью российской столицы, что во многом предопределило их дальнейшую судьбу. Почти все они занимались деятельностью, связанной с Россией, открывая новые пути последующего взаимодействия (с. 219).

Представляют интерес размышления автора в разделе о “фронтире” (с. 180–189). Это понятие, поясняет Н.А. Самойлов, применяется исследователями для характеристики зоны со-

прикосновения стран, народов и культур и даже для обозначения некоего относительно устойчивого или подвижного состояния приграничного сообщества. А применительно к исследуемым в монографии процессам, подчеркивает автор, “фронт” представляется специфической пограничной (промежуточной) зоной между двумя различными социокультурными системами, абсорбирующей в себе существенные компоненты каждой из них и в то же время отличающейся от каждой из них по целому ряду параметров. Одной из важнейших особенностей “фронтира” является своеобразная общность экономической жизни данного региона по обе стороны границы и, что очень существенно, – полифоничность культуры (с. 180).

Н.А. Самойлов отмечает, что в XVIII в. коммуникационным каналом российско-китайского социокультурного взаимодействия являлась торговля, способствовавшая распространению в обеих странах элементов материальной и духовной культуры Китая и России, а своеобразным аттрактором (точкой, в которой сфокусировались основные направления социокультурного взаимодействия), где происходил процесс формирования коммуникационного кода социокультурного взаимодействия, была зона беспошлинной торговли Кяхта – Маймайчэн. Именно там на протяжении десятилетий сосредотачивались основные процессы взаимодействия двух стран. Для Западной Европы, и в первую очередь для Великобритании, аналогичным аттрактором являлся в то время порт Гуанчжоу (Кантон), а коммуникационным каналом – кантонская система торговли.

Важную роль в формировании и трансляции коммуникационного кода (в “треугольнике” Китай – Россия – Запад), играли в указанный период миссионеры (русские и западные): Российская Духовная Миссия в Пекине и представители ордена иезуитов, выполнявшие важную роль в деле распространения знаний о Цинской империи и в формировании образа Китая в Западной Европе и России.

С третьей четверти XIX в. (правда, в течение непродолжительного времени) функцию трансляторов коммуникационного кода стали выполнять китайские посольства на Запад, в том числе в Россию, а аттрактор социокультурного взаимодействия России и стран Восточной Азии переместился в столицу Российской империи – Санкт-Петербург.

В монографии говорится о месте и роли иностранцев, находившихся на российской “государевой службе”, в процессе развития связей между Россией и Китаем (с. 219–224). Действительно, нельзя недооценивать заслуги таких высококвалифицированных дипломатов, как Николай Спафарий, Избрант Идес, Лоренц

Ланг, Савва Владиславич-Рагузинский и др., сыгравших ключевую роль в деле становления отношений России с Китаем.

Вместе с тем, как утверждает Н.А. Самойлов, петровские реформы формировали совершенно новую социокультурную среду и вовлекали Россию в европейское геокультурное пространство, что позволяло иностранцам занимать достойное место трансляторов элементов западной культуры в рамках принципиально нового геокультурного пространства (с. 223). Те иностранцы, которые были вовлечены в процесс социокультурного взаимодействия России и Китая в XVII–XVIII вв., действовали в рамках российского геокультурного поля, играя роль не только интерпретаторов российской культуры, но и становясь ее непосредственными трансляторами в геокультурное пространство Китая, чем активно способствовали процессу формирования нового коммуникационного кода социокультурного взаимодействия двух империй, двух социумов и двух культур.

Впрочем, роль европейцев в процессе социокультурного взаимодействия России и Китая могла проявляться и опосредованно. И в монографии это тоже отмечается. В XVIII в. в целях получения новых научных знаний Петербургская Академия Наук активно переписывалась с находившимися в то время в Пекине иезуитами. Однако от иезуитов из Пекина в Петербург поступали не только естественнонаучные данные, но и сведения о Китае в преломлении их собственного восприятия. Как известно, в результате этого часть научных кругов России, как и представители западной науки, оказались в большой зависимости от миссионерского взгляда на Китай. Но специфика России и ее отличие от Западной Европы состояли в возможности полагаться на описания и дневники российских подданных, в большом количестве посещавших Цинскую империю, а также на труды сотрудников Российской Духовной Миссии в Пекине (с. 140–166).

Отдельно в монографии исследуются вопросы становления образа Китая в России, социокультурной адаптации русских в Китае и проникновения русской культуры в Китай в конце XIX – начале XX в. Специальный раздел посвящен рассмотрению социокультурного взаимодействия сквозь поиск идейных исканий в России и Китае (с. 279–289). При рассмотрении данной темы отчетливо просматривается сходство проблем, стоявших перед двумя странами на рубеже XIX и XX вв. В самом деле, в тот период оба государства находились на пороге грандиозных преобразований. И в России, и в Цинском Китае назрел один и тот же острый вопрос: какой путь (революционный или реформаторский) более

приемлем для их народов. Российские китаеведы и публицисты либерального толка того времени в большей степени отдавали предпочтение пути реформ, а не революции, что и побудило их обратить пристальное внимание на идеи представителей реформаторского течения в Китае и в особенности на планы преобразований одного из крупнейших китайских сановников – Чжан Чжидуна, деятельность которого в российских публикациях оценивалась чрезвычайно высоко (с. 280–284).

Стоит отметить, что в рамках каждого рассматриваемого в работе исторического периода российско-китайских отношений автором выделяются специфические особенности и формы социокультурного взаимодействия, обусловленные сущностными характеристиками двух взаимодействующих социумов. В этой связи интерес представляет предлагаемая автором периодизация социокультурного взаимодействия России и Китая, сконструированная на основе теоретических разработок, осуществленных самим автором.

Н.А. Самойлов формулирует эту периодизацию в заключении книги, основываясь на выводах о закономерностях исторического развития данного процесса. В частности, он выделяет стадии “индифферентного взаимодействия” (до XVII в., когда устойчивые каналы коммуникации еще отсутствовали), “идентификации” (XVII – начало XVIII в.), “перехода к стадии активации” (XVIII в.), “активации” (первая половина XIX в., формирование особого геокультурного пространства) и “адаптации” (вторая половина XIX – начало XX в.).

Представляется, что исследование получилось во многом интересным и полезным для любого, интересующегося историей, еще и потому, что Н.А. Самойлов сумел провести значительную работу по поиску и систематизации исторических источников по разработанной им теме (материалов из российских архивов, сочинений китайских авторов о России, дневников и записок русских людей, побывавших в Китае в различные периоды). Многие из этих материалов впервые введены автором в научный оборот. Проанализирован и использован широкий спектр научных исследований российских, китайских и западных ученых.

Новая книга Н.А. Самойлова демонстрирует, что история русско-китайских отношений безгранична и что ее изучение выявляет все новые и новые грани. Уверен, что она будет с интересом воспринята не только в профессиональной китаеведческой среде, но и всеми, кто интересуется историей.

С.Н. Гончаренко,
доктор исторических наук